

УДК 94 (47)

Е. А. Сикорский**К вопросу о завоевании большевиками доверия широких масс после победы Октября. Ноябрь 1917 — 1920 г. (по материалам Смоленской губернии)**

На широкой базе впервые вводимых в научный оборот архивных и других материалов в административно-территориальных границах названного региона России автором раскрыты динамика, специфика и итоги эволюции отношения трудовых масс к большевикам в период Гражданской войны. Показаны факторы, влиявшие на этот процесс, проанализированы меры местных партийных организаций по их очищению от чуждых элементов, показана реакция широких слоев населения на становление привилегированного положения коммунистов и высказано аргументированное мнение о причинах данного явления, выявлена реакция представителей трудового крестьянства на усилия новой власти по наведению и поддержанию жесткого порядка на контролируемой ею территории, изложена точка зрения на перспективы и условия утверждения социализма в нашей стране.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Гражданская война, произвол представителей новой власти, отношение трудящихся к новому режиму, чистка парторганизаций, привилегии, укрепление положения РСДРП(б), социализм.

Среди множества вопросов о периоде российской истории, указанном в заглавии статьи, пожалуй, наиболее острым является следующий: каким образом большевикам удалось завоевать признание российской деревни, никогда не пользовавшейся особой симпатией ни у Маркса, ни у Ленина, ни у их соратников? Ликвидация помещичьего землевладения отнюдь не решила данную проблему, доказательством чего стал пожар крестьянских волнений, полыхнувший во многих регионах страны уже в первые недели и месяцы существования нового строя. Бушевал он вплоть до 1921 года, когда против пятидесяти тысяч восставших «селянских тружеников» Тамбовщины действовала сотысячная армия Тухачевского, Какурина, Уборевича, Котовского и других «прославленных красных полководцев», заливших кровью многие тамбовские деревни и сёла...¹ Предлагаемая статья — документальный рассказ о том, как в первые месяцы и годы жизни Советской России большевики укрепляли своё влияние на территории исконно земледельческой Смоленщины.

После ареста в октябре 1917 г. Временного правительства важнейшей задачей для РСДРП(б) стало завоевание поддержки многомиллионного российского крестьянства —

¹ Осипова Т. Обманутый класс // Родина. 1990. № 10. С. 25; Блудов В. Последняя кампания «Красного Наполеона» // Русский вестник. 1992. 8—15 июля. № 26. С. 11.

В Центральной части Европейской России за июль-август 1918 года помимо 73 восстаний (городских, гарнизонных и крестьянских) на селе произошло и 130 антисоветских выступлений. В канун первой годовщины Октября в том же регионе одновременно вспыхнули мятежи в 80 уездах (в том числе — в девяти — Смоленской губернии). В ноябре-декабре число мятежных уездов достигло 138. В апреле-июле только на Украине полыхал пожар 328 восстаний... В 1920 году вооружённая борьба «новых властей» с крестьянством шла в 38 губерниях Европейской России, а также в Сибири... Необходимо отметить, что в сознании очень многих сельских тружеников Советская власть ассоциировалась с большевиками, давшими мир, землю и народовластие, а с коммунистами связывались продрозвётка, насаждение коммун и совхозов, разного рода принудительные повинности, мобилизация в Красную Армию и прочие тяготы политики «военного коммунизма»... Упомянутой в названии статьи проблеме посвящена монография автора «Из истории утверждения в России диктатуры большевиков (по материалам всероссийским и смоленским)» (Смоленск: ООО «Аверх», 2008. 523 с.).

© Сикорский Е. А., 2012

основной части населения страны. Без решения этой проблемы созидание в ней нового общества было невозможно. Как известно, Декрет о земле, давший, по сути, «добро» на осуществление аграрной программы эсеров¹, заметно качнул чашу весов политических симпатий крестьян в сторону большевиков. В итоге на состоявшихся в ноябре-декабре 1917 г. выборах во Всероссийское Учредительное собрание из пришедших к урнам 45 миллионов человек 22,5% проголосовало за «большаков». Определили их только социалисты-революционеры, набравшие более 55% голосов избирателей².

В Смоленской губернии из 652 958 избирателей за большевистский список отдали свои голоса 356 569 (54,6%). В некоторых её уездах этот показатель оказался куда выше: в Ельнинском — около 67%, в Смоленском — 72,6%, в Сычёвском — 75%³. Эти результаты примечательны тем, что в данное время ещё не существовало ни губернской, ни уездных, ни волостных, ни сельских организаций РСДРП(б), хотя на местах, судя по некоторым выявленным материалам, пропаганду её идей успешно вели большевики-одиночки или им сочувствующие⁴. В основном это были демобилизованные солдаты-фронтовики, а также рабочие из промышленных центров европейской части России, приехавшие в родные сёла и деревни по своим делам, либо специально посланные смоленскими землячествами в Петрограде и Москве⁵. Их пропагандистская деятельность в губернии стала заметно активизироваться ещё в сентябре 1917 года и, судя по всему, приносила свои плоды. Во всяком случае, она наверняка существенно дополняла агитацию, которую проводили местные «большевистские силы». В результате от девяти уездных Советов губернии на Второй Всероссийский съезд Советов было избрано 9 большевиков и всего 2 левых эсера. Обратим внимание: в число делегатов не попали члены других партий или беспартийные⁶.

В последующие недели авторитет РСДРП(б) на Смоленщине продолжал расти, что отразилось на составе её уездных Советов в марте 1918 года. В подавляющем их числе коммунисты составили порядка шестидесяти и более процентов (в Поречском уезде — даже все 100%!). Казалось, что симпатии трудового крестьянства к большевикам крепнут день ото дня, а «созидание светлого здания социализма» после окончания Гражданской войны явится гарантией незыблемости их положения уже в ближайшем будущем.

Однако повседневная действительность вносила свои существенные коррективы в эти представления. Волна эйфории, вызванная декретами Второго Всероссийского съезда Советов, улеглась, и вновь обнажились руины поверженной экономики страны. Раны, нанесённые ей Первой мировой войной, продолжали обильно кровоточить. Шквал самых разных проблем обрушился на новую власть...

Особенно остро в губернии стоял продовольственный вопрос — к середине 1918 года на её территории голодало до 700 000 человек⁷. «Жители являются массами в Уездпрод-

¹ В. И. Ленин отнюдь не делал секрета из этого факта. «Мы победили потому, — отметил он в 1921 году на Третьем конгрессе Коминтерна, — что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую и осуществили ее на практике. Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка» (Ленин В. И. Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля на Третьем конгрессе Коминтерна // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 30).

² История Отечества. Люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 44—45.

³ Смоленский вестник. 1917. 16 нояб. № 260.

⁴ На конец октября 1917 года помимо Смоленска ячейки большевиков существовали в шести уездных городах: Вязьме, Белом, Гжатске, Рославле, Сычёвке и Юхнове.

⁵ Будаев Д. И. Рождённый в борьбе союз. Очерки истории рабочего и крестьянского движения в Смоленской губернии в 1861—1917 годах. М., 1984. С. 172—180.

⁶ В трёх уездах губернии выборы делегатов на съезд не проводились [Стародворцева Н. У истоков Советской власти. Участие большевиков Смоленщины в строительстве пролетарского государства // Политическая информация. Смоленск, 1982. № 20. С. 15, 16].

⁷ Известия Смоленского Совета. 1919. 17 июня. № 129.

ком, требуя хлеба, — сообщал в Смоленск Гжатский уездный Совет, — представителям продорганов не дают говорить на собрании»¹. В частных письмах, посланных в это время из губернии, нередко можно было прочесть, к примеру, такие строки: «У нас сильный голод, к нам приезжают коммунисты на митинги, но их от нас гонят, как собак»². Комментируя подобные факты, газета «Красная Армия» писала в те дни: «Голодный человек слеп, он перестаёт думать головой и начинает думать желудком»³. Тем не менее даже в этот тяжелейший период дефицита самого необходимого для повседневной жизни губернский комитет большевиков получал немало сведений о проявлении доверия к «рабоче-крестьянскому строю»⁴. Более того, об этом нередко заявляли даже участники «антисоветских мятежей», по словам которых «они были не против Советской власти, а против отдельных личностей, находящихся в Совете»⁵.

Анализ целого ряда архивных документов убедил в том, что говорить так у «трудового селянства» были все основания. К примеру, в Демидовском (бывшем Поречском) уезде по распоряжению уполномоченного ВЦИК и ЦК РКП(б) К. И. Ландера в июне 1919 г. были «преданы суду Революционного Трибунала бывший председатель партии коммунистов тов. Мясоедов и начальник уездной милиции Кадров», которые до такой степени затерроризировали местное население, что оно даже боялось «громко разговаривать на улице»⁶. Ещё пример: во главе Бельского уездного Совета стояли «три диктатора», издававшие «законы без предварительного обсуждения их в Исполкоме»⁷.

Следует отметить, что причиной крестьянских недовольств было не только «наполеонство» подобных руководителей, но и крайне неудовлетворительная работа советских учреждений. Отчасти это являлось следствием прихода на государственную службу людей преданных революции, но малограмотных, некомпетентных и совершающих в связи с этим множество грубых просчётов в своей работе. Однако, судя по сводкам губчека, отчётам ревизионных комиссий, жалобам граждан и т.д., главным тормозом в деятельности многих госучреждений было наличие в них изрядного количества «приверженцев бывшего царского строя» — помещиков, земских начальников, судебных приставов, адвокатов, становых и прочих подобных лиц⁸. Так, в Духовщинском уездном военкомате, как явствует из соответствующей сводки ЦК РКП(б) за июнь 1919 г., был «собран штат бывших офицеров, кадетов и юнкеров, которые во время переворота в 1917 г. выступали открыто с оружием в руках против рабочих и крестьян», а комиссаром являлся бывший юнкер Панков, всецело находившийся под влиянием «указанного кадетского корпуса». Состав работников местного отделения госконтроля, продкома, уземотдела, совнархоза, лескома и т.д. также оставлял желать много лучшего...⁹ Вся эта публика, люто ненави-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Далее — РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 583. Л. 258.

² РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 446. Л. 201. Центр документов новейшей истории Смоленской области. Далее — ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 37; Д. 66. Л. 8.

³ Красная Армия. М., 1918. 1 авг. № 35.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 22; Д. 54. Л. 29. И др.

⁵ Известия Бельского Совета (Смоленская губерния). 1918. 23 авг. № 30; Известия Гжатского Совета (Смоленская губерния). 1919. 10 дек. № 92; Государственный архив Смоленской области. Далее — ГАСО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 12. Л. 48; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Далее — РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 522. Л. 15.

⁶ РГАСПИ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 14. Л. 23. Слово коммуниста (Смоленская губерния). 1919. 14 июня. № 50; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 66. Л. 127.

⁷ РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 33. Л. 136.

⁸ ГАСО. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 6. Л. 41; Ф. 13. Оп. 1. Д. 80. Л. 55; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. Л. 77; Д. 54. Л. 77; Ф. 27. Оп. 1. Д. 53. Л. 176; и др.

⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 66. Л. 94; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.

девшая Советскую власть, всячески подрывала её авторитет, умело создавая почву для контрреволюционных выступлений населения.

Один из ярких примеров этого даёт анализ причин широких волнений крестьян Поречского уезда во второй половине ноября 1918 г. Как выяснилось, в значительной степени они были спровоцированы местными купцами и помещиками, которые бежали в Смоленск «и устроились в советских учреждениях на правах специалистов, главным образом при Облискомзапе и Губцентре». По инициативе данных лиц «военно-революционный чрезвычайный налог», возложенный на уезд, был увеличен до астрономической суммы в 7 миллионов рублей, что значительно превышало финансовые возможности его жителей. Как известно, по распоряжению ВЦИК от названного налога освобождались семьи беднейших крестьян и красноармейцев, но это решение Центра упомянутыми «специалистами» было сознательно нарушено. В ответ на обоснованную просьбу местного уисполкома уменьшить на 5 миллионов сумму платежей из Облискомзапа поступил категорический приказ: «Взыскать, не останавливаясь ни перед какими репрессиями!» Они последовали... В итоге произошёл взрыв недовольства крестьян...¹

Вообще, судя по выявленным документам, налоговая политика многих местных Советов была камнем преткновения в их отношениях с населением. При её реализации далеко не всегда учитывалась разная степень зажиточности крестьянских семей, произвольно завышались нормы натуральных поставок, допускались грубые нарушения в системе налогообложения и т.д. К примеру, Рославльский уездный исполком в марте 1920 года постановил собрать на местах «с каждой десятины по 4 яйца, с каждой коровы, не считаясь ни с чем, — по 5 фунтов масла». «Всякие такие предписания, — читаем далее в документе, — выполняются теми, кто может, а кто не в состоянии выполнить, — избивается милиционерами. И что всего ужаснее, так это то, что всё это делается именем Советской власти»².

Особенно сильно подрывали её престиж разные проходимцы, поступавшие в госучреждения сугубо по расчёту. Своё служебное положение они открыто использовали в корыстных целях и при этом нередко доходили до откровенного произвола и прямого насилия над гражданами. Вот лишь один пример из многих выявленных: члены Юхновского уездпродкома Устинов и Равинин часто приезжали в деревни по ночам «с оружием в руках, производили реквизиции хлеба, сала, гусей, поросят, коров и даже последнего фунта сахара и 1/8 табаку махорки»³.

Следует подчеркнуть, что если личный состав уездных исполкомов был лишь «не везде подходящий»⁴, то в волостях «бездушно-казённое отношение к гражданам» наблюдалось чуть ли не повсеместно... По оценкам современников, сплошь и рядом волосты напоминали «старые царские волостные правления с их старшинами и урядниками» — обращение с посетителями там было, как правило, «самое грубое и дерзкое». Тем же, кто обещал пожаловаться «в уезд», чиновники грозили «подвалом чрезвычайки», тюрьмой и всевозможными страшными карами за неповиновение Советской власти. По этим причи-

¹ ЦДНИСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.

² ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 291. Л. 84; РГАСПИ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 4.

³ Известия Бельского Совета. 1918. 23 авг. № 30. РГАСПИ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 53. Л. 71; ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 80. Л. 40; Известия Смоленского Совета. 1919. 20 июня. № 132; РГАСПИ, Ф. 130. Оп. 3. Д. 446. Л. 72 об.

⁴ Судя по докладу инструктора НКВД Ивана Белого, в марте 1919 года совершившего инспекционную поездку по Смоленской губернии, лучшими по организации советской работы являлись уисполкомы Вяземский, Бельский и Духовщинский. Слабейшими — Смоленский, Рославльский, Ельнинский и Демидовский (бывший Поречский). В Гжатском, Дорогобужском, Краснинском, Сычёвском и Юхновском уездах деятельность органов советской власти была ниже всякой критики... (РГАСПИ, Ф. 393. Оп. 3. Д. 368. Д. 264).

нам крестьяне обращались в подобные исполкомы лишь в случае самой крайней нужды, а заведующие их отделами зачастую уклонялись от положенных регулярных докладов волостному сходу о своей работе. В итоге получалось, что «власть — одно, массы — другое»...¹ Более того, халатное отношение к своим обязанностям таких служащих, их почти постоянное появление в пьяном виде, проигрыши ими «по 5 тысяч в карты» и другие подобные деяния крайне отрицательно отражались на авторитете не только Советов, но и большевистской партии в целом, так как крестьяне смотрели на всех советских работников как на коммунистов².

Как выяснилось, нередко «сельские мироеды» сознательно способствовали избранию в число депутатов «людей самого низкого сорта» с той целью, чтобы иметь право сказать потом: «Вот-де, смотрите, крестьяне, какие мошенники сидят в Совете!» и в дальнейшем использовать этот пример как аргумент при охаивании «новых порядков»³. Однако подобными «словесными осквернениями рабоче-крестьянского строя» деревенская буржуазия не ограничивалась. Проведя на выборах «кого надо» в местный исполком, она начинала умело манипулировать его деятельностью... В итоге, к примеру, вся тяжесть выплаты населением денежных контрибуций часто ложилась на плечи малоимущих. «Бедняки молили, просили, но пощады не было. Из разорённых хозяйств выжимали последние соки, а кулаки злорадствовали: «Вам нужны Советы, так гоните им монеты...»⁴.

Авторам таких заявлений, бесспорно, был весьма на руку острейший дефицит на селе керосина, спичек, мыла, соли, мануфактуры и целого ряда других крайне необходимых в быту и хозяйстве товаров. От их нехватки прежде всего страдало беднейшее крестьянство, что активно использовалось антисоветскими элементами для разжигания всеобщего негативного отношения к власти⁵.

Увы, нередко она сама — вольно или невольно — создавала прецеденты для подобных настроений. Так, крайне пагубное впечатление производили на граждан случаи порчи собранного по продразвёрстке продовольствия и сельхозсырья, что происходило либо по недосмотру исполкомов, либо по злему умыслу тех его членов, «место которым было в буржуазных батальонах». К слову, сплошь и рядом именно эти лица срывали во многих уездах своевременную выдачу жалованья милиционерам, тем самым провоцируя их на самовольные реквизиции и прочие подобные самоуправства⁶.

Далеко не прибавляли уважения к властям и бесчинства так называемых заградительных отрядов на железнодорожных станциях, под видом борьбы с мешочничеством нередко изымавших у пассажиров вместе с багажом одежду, деньги, украшения и т.д.⁷

Недобрую славу стяжали себе и многие отряды по борьбе с дезертирством, широко применявшие рукоприкладство, нагайку не только к дезертирам и их семьям, но и к прочим гражданам, включая даже девиц...⁸ При этом активно использовался и такой метод убеждения, как «втыкать револьвером в грудь каждому товарищу», «дерзко разговаривать с народом» и т.д. Понятно, что такие способы общения «отрядников» с населением ничего кроме вреда не приносили, порождая лишь вражду и злобу крестьян на Советскую власть⁹.

¹ РГАСПИ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 48. Л. 21; Известия Бельской Коммуны. 1919. 14 мая. № 79; Власть Советов. М., 1918. 27 дек. № 29. С. 17; ЦДНИСО Ф. 23. Оп. 1. Д. 55. Л. 21.

² ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.

³ Товарищ (Смоленская губерния). 1920. 12 дек. № 22.

⁴ Рабочий путь. Смоленск, 1927. 28 окт. № 247.

⁵ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 132; Д. 54. Л. 29; Ф. 62. Оп. 1. Д. 18. Л. 46; Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 46; Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

⁶ РГАСПИ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 10. Л. 59.; Д. 22. Л. 159.

⁷ Государственный архив Тверской области. Далее — ГАТО. Ф. 2664. Оп. 2. Д. 25. Л. 57.

⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 306. Л. 147; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 110.

⁹ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 80. Л. 83.

Недоумение, обиду, переходящие в негодование и ненависть, вызывали у жителей действия карательных отрядов, усмирявших мятежные волости. Под предлогом восстановления революционного порядка красноармейцы «чинили всевозможные безобразия, как, например, грабежи, конфискации, стрельбу без всякой надобности», «били народ плетями и шомполами так, что даже у некоторых шомпола доходили сквозь мясо до костей». При этом не были редкостью и расстрелы участников «контрреволюционных волнений» без суда и следствия — «просто со своей точки зрения», в результате чего погибло много невинных людей¹.

Отнюдь не всегда на высоте своего призвания были и революционные трибуналы, часто санкционировавшие аресты и казни лишь на основании голословного заявления «некоторых лиц»².

Излишне доказывать, что подобные акции «губили на корню доверие к стоящей во власти партии большевиков-коммунистов»... Ситуация усугублялась тем, что члены местных ячеек нередко активно участвовали в ликвидации волнений и при этом клеймили «себя в глазах населения позором»³. Объективности ради отметим, что архивные фонды хранят немало сведений и противоположного характера. Так, «лестные отзывы о Ярцевском коммунистическом отряде» высказывали во время ноябрьских событий 1918 года жители Самуйловской волости Гжатского уезда. Данный отряд «не только поступал справедливо в деле расследования о восстании, а даже каждый товарищ старался дать понятие о Советской России и о той авантуре, в которую попали граждане». Можно привести и другие подобные примеры⁴.

В создание почвы для недовольства новыми порядками свою лепту вносили и местные органы ВЧК, особенно в период их становления. «Провинциальные “чрезвычайкомисты”, — читаем в одной из жалоб, поступившей в редакцию газеты “Известия ВЦИК”, — как истинные Шерлоки Холмсы, никому не верят, всюду видят спекуляцию и контрреволюцию, контрреволюцию и спекуляцию». «Конечно, — продолжает далее автор письма, — на этой почве обильно разрастаются цветы “провинциальных анекдотов” с ароматом “исконной” России, “немытой и грязной”»⁵. Увы, довольно часто те или

¹ ГАСО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 12. Л. 48; Ф. 161. Оп. 1. Д. 294. Л. 40; Д. 352. Л. 58; Российский государственный военный архив. Далее — РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 42; РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 446. Л. 72 об.; Ф. 4390. Оп. 13. Д. 28. Л. 3, 6, 7; и др. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 44. Л. 2; Звезда. Смоленск, 1918. 25 июля. № 109 (214). И мн. др. материалы.

² ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 294. Л. 40.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 66. Л. 137.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 16; Д. 19. Л. 23.

Только в Краснинском уезде, в отличие от остальных уездов Смоленской губернии, за всю Гражданскую войну не было антисоветских мятежей. Ни одного! И это несмотря на то, что среди его населения насчитывалось немало зажиточных крестьян, явно чувствовалось «присутствие членов левозэсеровской организации», а на юго-западе уезд граничил с Могилёвской губернией, где почти всю войну орудовало много «контрреволюционных банд». В том же документе подчёркивалось, что «спокойствие уезда» было «далеко не следствием партийной работы, а ложно направленной... советской, ибо советские работники главную задачу видели в охране безмятежного благополучия населения, приспособивая распоряжения рабоче-крестьянской власти к узким местным потребностям, а не наоборот». Данный отрывок взят из материалов Второй уездной конференции РКП(б), состоявшейся 1—3 марта 1919 года. С её трибуны прозвучала острая критика представителей губкомпарта в адрес местных коммунистов ввиду увлечения ими советской работой и непроведения политики «классового расслоения в населении уезда». Логика рассуждений неумолимо приводит к выводу, что фактически краснинских большевиков «губернские товарищи» обвиняли в отсутствии на местах крестьянских волнений... К слову, так и не удалось выявить ни одного документа о каких-либо поблажках для крестьян данного уезда при взимании денежных контрибуций, натуральных поставок, подворном распределении нарядов на перевозку грузов к железной дороге и т.д. (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 313. Л. 89, 89 об., 95).

⁵ РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 129 б. Л. 25.

иные эпизоды повседневной деятельности чекистов приобретали ярко выраженный оттенок драмы, а не дешёвого фарса. Одной из иллюстраций к этому выводу может служить факт взимания Бельской уездной ЧК в феврале 1919 года пятисоттысячной контрибуции с крестьян Поникольской волости с применением массовых телесных наказаний «в виде порки»... А жителям деревни Меженинка помимо этого было отказано в выдаче квитанции на изъятие упомянутым способом 40 тысяч рублей... Дело дошло до жалобы всей волости в Наркомвнудел, который потребовал сурово наказать мародеров¹.

Среди главных причин, порождавших недовольство, а то и разочарование трудового крестьянства Смоленщины в новом строе, была ещё одна — претворение в жизнь «Основного закона о социализации земли», принятого ВЦИК 27 января и обнародованного 19 февраля 1918 г. Как выяснилось, в некоторых уездах губернии он был реализован так, что большинство крестьян, имевших ранее небольшой надел, фактически не получило ничего от Советской власти². Подобная картина наблюдалась, к примеру, в Демидовском уезде, бывшем в годы Гражданской войны одним из самых «неспокойных по части мятежей». Их связь с итогами распределения среди крестьян бывшей помещичьей земли представляется несомненной.

Непросто складывались отношения сельских тружеников с «родоначальниками нового строя» — большевиками. Как уже отмечалось, по итогам выборов во Всероссийское Учредительное собрание они заметно опередили в регионе все другие партии и эта победа, одержанная «небольшими коммунистическими силами», позволяла надеяться на укрепление авторитета большевиков в массах по мере увеличения на местах количества членов РСДРП(б). Однако довольно быстро эти надежды стали блекнуть... Дело в том, что практически всюду приём в её первичные организации производился «без всякого разбора» — записывали «встречных и поперечных» и при этом не предпринималось никаких мер «к выяснению политической физиономии кандидатов в партию»³. В неё, «как вообще в широкие ворота Октябрьского переворота», хлынули «все, кто хотел что-либо урвать от советского пирога», но был готов в любой момент «продать врагам и партию, и Советскую власть»⁴. «Такая ползучая трава, — отмечала в мае 1919 года газета «Известия Бельской Коммуны», — обрастает даже и тех немногих, которые искренно хотели делать дело коммунизма, но особенно ещё не окрепли и легко поддавались посторонним влияниям». Привлекают внимание слова «даже и тех немногих»...

Подобные суждения отнюдь не были редкостью. Так, в июле 1920 года на затронутую тему высказалась и газета вяземских коммунистов «Товарищ»: «Не надо забывать, что горячая наша воля в периоды ожесточённой схватки с организовавшейся внутренней буржуазией захватила на своём пути много хлама, который успел на время получить ответственные места. Но хлам и ветошь плодovitы. Они наплодили внутри нашей партии массу бандитов, спекулянтов, воров, предателей, которые охватили не только провинцию, но даже и Центр». Далее в статье излагалась резкая критика в адрес этих лиц, «в костюме коммуниста» откровенно грабивших и без того разрушенное хозяйство страны⁵.

¹ ГАТО. Ф. 2664. Оп. 2. Д. 72. Л. 4; РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 453. Л. 178; Ф. 130. Оп. 3. Д. 129 б. Л. 6; Известия Бельской Коммуны. 1919. 11 июля. № 87; ЦДНИСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 76. Подобные явления наблюдались тогда во многих городах Советской России (См., напр.: РГАСПИ. Ф. 4390. Оп. 1. Д. 60. Л. 102 и др. дела).

² ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 311. Л. 11.

³ Известия Смоленского Совета. 1919. 21 февр. № 39; ЦДНИСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 38; Д. 28. Л. 24; Ф. 19. Оп. 1. Д. 15. Л. 9; Ф. 3. Оп. 1. Д. 48а. Л. 68; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 148. Л. 20; РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 445. Л. 47; и др.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 43; Известия Бельской Коммуны. 1919. 14 мая. № 79.

⁵ Товарищ. 1920. 3 июля. № 177; РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 446. Л. 72 об.; Д. 414. Л. 100 об., 12.

Особенно нагло подобные мерзавцы бесчинствовали в деревнях. «Там люди, — отмечал В. И. Ленин 6 апреля 1919 г., — которые называют себя партийными, нередко являются проходимцами... насильничают самым бессовестным образом»¹. Архивные фонды хранят значительное количество документальных подтверждений справедливости этого вывода. Вот только один пример из очень многих. В Узвозской волости Духовщинского уезда ячейка РКП(б) фактически существовала только на бумаге, а если и «случались партсобрания», то на них приходило от силы несколько человек. Но зато, «когда распределялся сахар, хлеб и другие продукты», коммунисты являлись «с мешками, возами и в полном своём составе», причём пайки получались ими всегда в первую очередь «и по норме, во много раз превышавшей норму, определённую для всех граждан». Более того, члены местной партячейки нередко проводили незаконные реквизиции. К примеру, если кому-либо из них нужна была корова — «идут и реквизируют»... Причём брали всегда у бедняков «или у человека со средним состоянием»². «Наши коммунисты распоряжаются в тылу, как сами хотят, — читаем в одном из частных писем в Красную Армию, написанном 20 июня 1919 года. — Придут к тебе в дом и отберут все ценные вещи и уходят, а на фронт идти не хотят. Нас грабят до основания...»³. Ясно, что такие походы сельских коммунистов оставляли в душе их односельчан горький осадок и порождали огромное количество жалоб во все инстанции (вплоть до самых высоких) и крайне пагубно влияли на авторитет РКП(б) в целом⁴.

В то лихое время на селе нередко можно было услышать мнение, «что при большевиках было лучше, а при коммунистах хуже, чем при царе»⁵, или «мы изуверились в правде»⁶ и другие подобные суждения. Дело доходило до того, что зачастую слова «коммунист» и «комячейка» становились в буквальном смысле слова бранными...⁷ В то же время там, где парторганизации не состояли «из шкурников, хулиганов и мерзавцев», отношение к большевикам «было не столь враждебное»⁸. Например, в Пречистенской волости Духовщинского уезда ячейка «не производила незаконных реквизиций, не распределяла конфискованное только между своими членами и вообще так относилась к населению, что с его стороны не проявлялось ненависти и вражды»⁹. «Советская власть хороша, нет её лучше, — говорили многие крестьяне, — но мы против контрибуций, бесчинств местных властей»¹⁰. На многолюдных сходах селян нередко высказывались мнения типа: «Колчак и все белогвардейцы давно были бы разбиты, если бы у власти всегда стояли люди честные»¹¹.

Самое прямое отношение к проблеме укрепления большевистского влияния в губернии имел вопрос о привилегиях для коммунистов. Судя по многим архивным документам, он привлекал большое внимание трудящихся и нередко вызывал среди них острые

¹ Ленин В. И. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской Республики на Чрезвычайном заседании пленума Московского Совета 3 апреля 1919 года // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 256.

² Известия Смоленского Совета. 1919. 3 июня. № 118; 22 июня. № 134; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 241. Л. 124; Д. 41. Л. 1; Ф. 23. Оп. 1. Д. 55. Л. 21; и др.

³ РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 446. Л. 201.

⁴ Известия Смоленского Совета. 1919. 24 июня. № 135; Рабочий путь. Смоленск, 1920. 1 авг. № 176; Товарищ. 1920. 27 июля. № 197; и др.

⁵ ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 60. Л. 40, 41.

⁶ Известия Смоленского Совета. 1919. 19 июля. № 157; Известия Бельской Коммуны. 1919. 11 июля. № 87.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 42. Л. 41; Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 65; РГАСПИ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 6. Л. 18, 19.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 16.

⁹ Известия Смоленского Совета. 1919. 3 июня. № 118.

¹⁰ Известия Бельской Коммуны. 1919. 11 июля. № 87.

¹¹ Известия Смоленского Совета. 1919. 6 июня. № 121.

дискуссии. «У малосознательных, — писали в октябре 1918 года «Известия Смоленского Совета», — возникают споры: почему «начальство» катается на автомобилях, лошадях и пр., почему некоторые пользуются лучшими условиями и лучшей пищей?»¹. Были ли основания для подобных заявлений? Несомненно! Во-первых, при всех «антисоветских волнениях» всегда звучал призыв «Долой коммунистические ячейки, долой привилегированных, которым живётся лучше, чем нам!»². Во-вторых, авторы частных писем тех лет нередко отмечали, что коммунистов принимают за новых аристократов³. В-третьих, постановка большевиков в привилегированное положение подтверждалась и актами соответствующих ревизионных комиссий⁴. В-четвёртых, наличие во многих регионах данного явления официально признавалось и Центром⁵.

А какова была точка зрения руководства Смоленской губернии на вопрос о льготах для коммунистов?

«Нет и не может быть привилегий партийному человеку, служащему в Совете, против товарища, работающего где-нибудь на заводе, фабрике и т.д.», — читаем в номере газеты «Звезда» от 13 августа 1918 г.⁶ «Только идиоты и шептуны могут думать, — отмечалось в номере «Известий Смоленского Совета» от 25 мая 1919 года, — что принадлежность к коммунистической партии является патентом на какие-то особенно тёпленькие местечки. Коммунизм требует жертв. Лишь человек, способный забыть самого себя, пойти на подвиг во имя блага всего человечества, может носить высокое звание члена коммунистической партии»⁷.

Прошло несколько лет, и вот что было опубликовано в мае 1921 г. на одной из страниц «Известий Смолгубкома РКП(б)»: «Справедливо ли, чтобы вообще люди, руководящие борьбою рабочего класса, кормились досыта, когда страна голодна? Мы считаем и говорим открыто, что это необходимо. Когда врач оперирует больного, он должен быть сыт, ибо при лихорадке и голоде он не может спокойною рукою сделать необходимой операции». И далее совсем уж откровенно: «Должен быть сыт тот слой, который при всяких обстоятельствах держит руку на руле государственного корабля»⁸.

Легко заметить, что через три года мнение «губернских властей» о привилегиях для коммунистов стало диаметрально противоположным, о чём они и объявили совершенно открыто. Впрочем, многие архивные документы убеждают в том, что это заявление губкома вполне могло бы прозвучать и ранее... Вот факты, позволившие сделать этот вывод. В конце 1918 года в Духовщинском уезде специальная комиссия, состоявшая из представителей ВЧК, НКВД и Западно-Областного комитета РКП(б), провела расследование на месте по факту мятежа крестьян в ноябре того же года. В итоге было установлено, что восстание было вызвано следующими причинами. Духовщинский партком, «а равно и Исполнительный Комитет и ЧК занимались пьянством, благодаря чему было невыносимо грубое отношение к местному населению. Кроме того, члены ЧК, будучи вечно пьяны, занимались взяточничеством, присвоением конфискованных вещей и водки (суррогата). Вследствие того же пьянства производились незаконные расстрелы и обыски». И т.д. Ознакомившись с отчётом комиссии, нарком НКВД Г. И. Петровский распорядился немедленно предать суду всех этих лиц (по сути — виновных в мятеже крестьян). Однако

¹ Известия Смоленского Совета. 1918. 31 октября. № 256.

² Известия Смоленского Совета. 1919. 15 февр. № 34.

³ РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 446. Л. 73.

⁴ РГАСПИ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 52. Л. 1; Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 152—153.

⁵ Власть Советов. М., 1919. Март. № 3—4. С. 15, 19.

⁶ Звезда. Смоленск, 1918. 13 авг. № 229.

⁷ Известия Смоленского Совета. 1919. 25 мая. № 112.

⁸ Известия Смолгубкома РКП(б). 1921. 1—15 мая. № 3. С. 19.

из этих 15 человек только на одного Ревтрибунал завёл дело («за бегство во время восстания»), а остальные не только не понесли наказания, но кое-кто даже получил повышение по службе...¹

А вот другой, не менее яркий пример. В феврале 1920 года самыми высокопоставленными лицами губернии были присвоены дефицитные товары в одном из магазинов Смоленска. Данный факт скрыть не удалось, и он вызвал взрыв возмущения среди рабочих города, категорически потребовавших отдать под суд всех «принявших участие в расхищении магазина». Однако по настоянию губкома и губисполкома дело закрыли «ввиду заинтересованности многих своих членов». Далее в документе подчёркивалось, что после данного случая «никакая партийная работа в рабочих кварталах невозможна», в связи с тем что на коммунистов смотрят «как на шкурников»². Отметим: архивные документы хранят немало таких примеров.

Отрицательно сказывалось на авторитете РКП(б) и «полнейшее пренебрежение к населению» целого ряда партийных руководителей, вся деятельность которых протекала «в схематических рамках кабинетов и четырёх стен»³. «Наши организации, — читаем в циркулярном письме губкома от 10 сентября 1919 года, — начинают разлагаться, гнить на корню...». Далее в письме отмечалось, что многие парткомы «превратились в узкие касты советских чиновников, всё более и более обособляющихся от масс, замыкающихся в самих себе»⁴. Нередко такие коммунисты, являясь ответственными «совработниками», полностью забрасывали все партийные дела и занимались только чисто служебной деятельностью. Более того, с каждым днём они всё более и более отдалялись от широких масс, теряли с ними «органическую связь». «Наши Советы, — писали в связи с этим губернские «Известия», — охраняются часовыми, огорожены рогатками в виде пропускных билетов. Служащие в них черствеют и делаются бюрократами»⁵. Как правило, они и не стремились завоёвывать доверие и уважение трудящихся, были глухи к их мнению, все промахи в своей работе неизменно объясняли «происками контрреволюционной сволочи» и проявляли ярко выраженную склонность любой вопрос решать «с шашкой наголо»... В волостях «картина наблюдалась ещё более печальная». Там многие подобные деятели, «не умея подходить к массе», предпочитали являться «пред гражданами с револьвером в руках»... «Отсюда получается оторванность работников от масс, — делался вывод в одном из документов того времени, — отсюда отрицательное отношение к членам партии»⁶.

Сильно компрометировала многих большевиков, занимавших руководящие посты, элементарная некомпетентность в служебных делах, незнание и непонимание своих полномочий и задач, вследствие чего почти каждому из них приходилось «открывать Америки чуть ли не по всем вопросам»... В итоге сплошь и рядом присланные свыше распоряжения и постановления толковались на местах по-своему либо проводились в жизнь «резко и лубочно»⁷, а то и просто не выполнялись.

Этот «уездный и волостной бонапартизм... превышение своей власти», игру «под земского начальника или под исправника» можно было наблюдать в губернии чуть ли

¹ РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 129 б. Л. 6; Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 424, 424 об.

² ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 255. Л. 8.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 305. Л. 3; Звезда. Смоленск, 1918. 6 окт. № 273.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 47. Л. 340.

⁵ Известия Смоленского Совета. 1919. 24 мая. № 111.

⁶ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

⁷ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 345. Л. 150; ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 208. Л. 137; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 305. Л. 3; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 23; Д. 63. Л. 15; Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 56; РГАСПИ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 1 об.; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 66. Л. 136; и др.

не повсеместно¹. В конце концов такие «художества» неизбежно приводили к формированию у населения мнения типа «Нам не нужно партийности... партия нас до добра не довела, а нам нужен человек, который бы соответствовал своему назначению»². Следует подчеркнуть, что непонимание сферы своей деятельности было свойственно многим служащим-коммунистам (особенно сельским³), считавшим, что в области партийной и советской работы «нет той грани, где кончается первая и начинается последняя»⁴. Будучи убеждёнными в этом, члены ячеек «вторгались в хозяйственные стороны жизни населения и волисполкомов, создавая нежелательные конфликты»⁵. В результате политическая ситуация на местах накалялась и отношение крестьян к большевикам становилось резко негативным⁶. Строго говоря, виноваты в этом были не столько ячейки, «варившиеся в собственном соку», сколько вышестоящее партийное руководство, совершенно не занимавшееся их инструктажом. В свою очередь, его отсутствие являлось следствием плохой связи губкома с уездными компартами, а последних — с волостями. И наоборот⁷. Данная ситуация начала меняться в губернии лишь с конца 1919 года⁸.

Произвольное толкование партийными ячейками своих функций являлось только одной из негативных сторон их деятельности. Типичным её недостатком было и стремление волостных и деревенских «первичек» к келейности в своей работе, особенно в первые месяцы после возникновения. Дело доходило до того, что, «ничего не объяснив», члены большевистских организаций не пускали на свои собрания беспартийных односельчан⁹. Нетрудно догадаться, какой была их реакция...

Негативное отношение к ячейкам порождали также «склоки и личные дразги коммунистов», разного рода «трения между ними из личных счётов» и прочая «взаимная грызня друг друга»¹⁰. «Эти обиды разбирают, — читаем в одном из протоколов, — выносятся постановления об извинениях и на этом вся партийная работа кончается»¹¹. Здесь следует подчеркнуть, что по ясным причинам повседневная жизнь большевиков вызывала повышенное внимание окружающих, и нередко те или иные поступки члена РКП(б) имели куда больший эффект, чем его самые страстные речи на сходах односельчан. К примеру, если после объявления партийной мобилизации «револьверные комиссары-разделисты», храбро стрелявшие до этого в скворечники, в панике разбежались из ячейки, то такие случаи давали «крестьянской массе превратное понятие вообще о коммунистической партии» и исключали «возможность оправдывать дезертиров»¹². С другой стороны, добровольный уход на фронт части или даже всей местной организации большевиков, несомненно, усиливал влияние социалистических идей и поднимал авторитет РКП(б) в целом. Здесь уместно сообщить, что только с 15 апреля по 10 мая 1919 года из Смоленской губернии на Восточный фронт было отправлено 12 маршевых рот коммунистов и ещё 1600 мобилизовано¹³.

¹ Известия Смоленского Совета. 1918. 8 окт. № 235; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 309. Л. 63.

² ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 349. Л. 26.

³ Известия Смоленского Совета. 1919. 5 мая. № 94; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 3; Д. 19а. Л. 113; и др.

⁴ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 285. Л. 5; ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 43; Ф. 17. Оп. 1. Д. 203. Л. 64; и др.

⁵ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48 а. Л. 49; Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 103.

⁶ Известия Бельской Коммуны. 1919. 2 авг. № 91.

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 66. Л. 22; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48 а. Л. 68.

⁸ Известия Смоленского Совета. 1919. 13 авг. № 177; ЦДНИСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.

⁹ ЦДНИСО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 29. Л. 17.

¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 522. Л. 33; ГАСО. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.

¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 412. Л. 260, 261; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 14а.

¹² Путь коммуниста (Смоленская губерния). 1919. 15 мая. № 46; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 63; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 305. Л. 3; Д. 309. Л. 61, 61 об.; и др.

¹³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 66. Л. 22.

К числу причин, вызывавших у граждан неприязнь к партийцам, следует отнести и участие последних в массовых обысках и реквизициях, проведение которых власти всегда стремились поручать только коммунистам¹.

Очень часто члены партячеек, не понимая, «что из себя представляет коммунистический строй, Советская власть и какая связь между ними», попадали в неловкое положение, выступая на митингах, сходах или просто перед группой земляков. В итоге про такого оратора говорили, что он «метёт какую-то чушь», «трудно разобрать, кто настоящий коммунист и кому верить»². Таким образом, крайне слабая теоретическая подготовка членов РКП(б) весьма отрицательно воспринималась населением и, без сомнения, значительно подрывала авторитет большевистской партии. Кроме того, туманное представление подавляющей части партийных кадров (зачастую — не только рядовых) об основах марксистского учения создавало немалые трудности в его широкой пропаганде, без чего закрепление влияния РКП(б) в массах было невозможно. Ситуацию осложняла скудость большевистских сил в губернии и рождённые лёгкими победами Октябрьской революции убеждение многих коммунистов в том, «что они уже вошли в царство социализма»³. Помимо этого, свою службу в советских учреждениях они расценивали как выполнение партийного долга и на этом основании полностью уклонялись от партийной работы⁴.

Её слабая постановка закономерно приводила к тому, что населению приходилось «питаться кошмарными слухами от подпольных репортёров Колчака и Деникина под редакцией контрреволюции»⁵, а отношение граждан к компартии, в лучшем случае, характеризовалось словами «пассивное»⁶, «насторожённое»⁷, «более чем аполитичное»⁸, а в худшем варианте к ней относились как к чему-то «страшному»⁹. В итоге местным парторганизациям оставалось лишь констатировать, что «не всякий ещё крестьянин понял, чья преступная воля бросила его в бездну нищеты и разорения, где выход из этой мёртвой хватки голода, где и с кем его (крестьянина. — Е. С.) настоящее место»¹⁰.

С конца марта 1919 года число таких колеблющихся стало заметно расти за счёт малоимущих крестьян, шокированных решением VIII Всероссийского съезда большевиков о необходимости установления прочного союза с середняком. «А как же беднота? — Спрашивала издававшаяся Юхновским уездным парткомом газета «Путь коммуниста». — Та голодная, разутая, раздетая, безлошадная беднота, на которую мы так много возлагали надежд и про которую так много сказано красивых слов? Та беднота, которая сейчас осталась в тени, про которую сейчас забыли?»¹¹.

Далее в статье констатировалось, что тысячи сельских тружеников уезда находятся «в сплошном кошмаре» без хлеба и надежды на будущее, так как среди них очень много малоземельных и безлошадных. Архивные документы свидетельствуют о том, что подобная картина наблюдалась в губернии почти всюду. Ситуация осложнялась тем, что, «приписавшись к среднему крестьянству», опять начали «свирепствовать кулак и

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 412. Л. 59, 60; ЦДНИСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 154. Л. 74; и др.

² Известия Смоленского Совета. 1919. 21 февр. № 39; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 22; РГАСПИ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 14. Л. 49а.; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 349. Л. 80; ЦДНИСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 118. Л. 97.

³ Звезда. Смоленск, 1918. 7 апр. № 61 (166).

⁴ Звезда. 1918. 2 авг. № 118 (221); ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 84; и др.

⁵ Путь коммуниста. 1919. 2 авг. № 77; РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 445. Л. 47 об.; ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 39. Л. 65.

⁶ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 45. Л. 47; Ф. 25. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 132.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19 а. Л. 45.

⁹ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 39. Л. 65.

¹⁰ Известия Бельской Коммуны. 1920. 27 янв. № 130.

¹¹ Путь коммуниста. 1919. 15 мая. № 46.

богатый мужик», стремившиеся нажиться на страданиях прозябавших в нищете односельчан.

Препятствовала укреплению авторитета РКП(б) в массах и нестабильность политической обстановки в стране, порождавшая у немалой части граждан скептическое отношение к новым идеалам, неуверенность в завтрашнем дне и — нередко — ностальгию по размеренной и спокойной прежней жизни. Прямым следствием подобных настроений было стремление довольно многих «подождать, чья возьмёт», «особо не усердствовать перед Советами», а при удобном случае и прибрать к рукам то, что плохо лежит, воспользовавшись «всеобщей неразберихой». «В настоящее время, — отмечалось в одном из номеров «Известий Смоленского Совета» за апрель 1919 года, — вместо честного труда и добросовестного отношения к своим обязанностям всюду развивается своего рода забастовка, выражающаяся в том, что каждый старается меньше дать и больше получить, и часто среди тех даже, кто называет себя коммунистами, встречаешь подлинного буржуа, старающегося урвать, что можно, и припрятать, пока не поздно...».

Наконец, был ещё один фактор, в той или иной степени влиявший на престиж большевиков среди населения, — антисоветская пропаганда деревенских богатеев, «праздношатающегося офицерства», «лицемерного духовенства», «хамелеонствующей интеллигенции и прочей нечисти». Свою лепту в это дело вносила и агитация приезжавших из Петрограда и Москвы так называемых «эсеровских апостолов», а также листовки, воззвания и манифесты Белой Армии, различными путями попадавшие в губернию¹.

Каким же образом в этот сложный период большевики Смоленской губернии укрепляли свой авторитет в массах?

Прежде всего — путём изгнания из РКП(б) лиц, вступивших в неё с эгоистическими, корыстолюбивыми целями. К слову, ещё в 1903 году на Втором съезде РСДРП молодой Владимир Ульянов призывал постоянно заботиться о чистке партийных рядов². После Октябрьской революции актуальность этого призыва неизмеримо возросла и большевистская организация Смоленщины в этом плане не являлась исключением. Как же эта чистка производилась?

Эффективным методом удаления из ячеек «всякой нечисти» были партийные перерегистрации. На время их проведения все «первички» в данном населённом пункте или волости распускались. Их члены в недельный срок погашали «недоимки взносов», сдавали в местный партком членские билеты, заполняли соответствующую анкету и представляли рекомендации двух хорошо известных парткому членов партии с партийным стажем не менее двух лет³. После обсуждения всех представленных документов список нового состава данной большевистской организации перед его окончательным утверждением вывешивался для всеобщего обозрения. На любого названного в нём можно было внести в компарт письменный или устный отвод, который немедленно рассматривался⁴. Помимо этого, принимался во внимание «материал из бюро жалоб и заявлений, а также результаты ревизий учреждений»⁵.

¹ Известия Гжатского Совета (Смоленская губерния). 1919. 10 дек. № 92; ГАСО. Ф. 161. Д. 349. Л. 18; РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 31. Л. 124; ЦДНИСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 20; Беднота (Смоленская губерния). 1918. 6 апр. (24 марта). № 10; Известия Смоленского Совета. 1919. 3 марта. № 39; Тверской центр документов новейшей истории. Далее — ТЦДНИ. Ф. 5221. Оп. 1. Д. 49. Л. 164; Д. 234. Л. 54; Известия Смоленского Совета. 1919. 20 июня. № 132. И многие другие материалы.

² Ленин В. И. Речи и выступления при обсуждении устава партии 2(15) августа 1903 года на II съезде РСДРП // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 290—291.

³ ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 86.

⁴ Там же.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 309. Л. 59, 59 об.

Как известно, по решению Восьмого съезда РКП(б) первая Всероссийская перерегистрация коммунистов проводилась в апреле 1919 г. В Смоленской же губернии «очищение партколлективов от гнили и мусора» началось годом раньше¹. «Мы не должны гнаться за количеством...», — отмечала в связи с этим газета Северо-Западного комитета большевиков «Звезда», издававшаяся тогда в Смоленске². Итоги данной кампании, длившейся до января 1919 г., впечатляют. Например, в ряде мест были распущены целые организации вследствие их «контрреволюционного состава»³. Практически повсюду значительно уменьшился и численный состав сохранившихся ячеек. К примеру, в Духовщинской уездной парторганизации после исключения из РКП(б) «громил, хулиганов, воров, инквизиторов и пьяниц» вместо 150 членов и сочувствующих осталось лишь 20 человек⁴. Как выяснилось, подобные перерегистрации проводились в губернии и в последующие месяцы Гражданской войны⁵.

Ощутимые результаты эти кампании приносили, однако полностью своей цели они всё же не достигали. Данный вывод был сделан, в частности, на Втором губернском съезде секретарей уездных парткомов, проходившем 24—27 июля 1920 г., с трибуны которого многие выступающие говорили о большой тяге «шкурнических элементов» в партию «ввиду её государственного положения»...⁶ Одним из методов отсева таких лиц было введение в некоторых парторганизациях на местах трёхмесячного испытательного срока не только для кандидатов в РКП(б), но и для сочувствующих ей⁷. Практиковались также регулярные отчёты каждого члена ячейки с целью выяснения того, «что он сделал в течение недели для пользы нашей партии и Советской власти»⁸. Находил применение и такой способ выявления подлинного мировоззрения партийцев, как деятельность специальных контрольных комиссий, начавших функционировать при некоторых комитетах уже с начала 1919 г. Данные комиссии занимались рассмотрением всех жалоб населения на коммунистов, причём анонимные заявления не рассматривались⁹. Достаточно широко вёлся среди большевиков и взаимный контроль повседневной жизни, результаты которого периодически (либо немедленно — в зависимости от обстоятельств) сообщались руководству. Уклоняющиеся от ведения такой «товарищеской слежки» подвергались партийному суду¹⁰. Кое-где обычным делом было ручательство всех членов ячейки друг за друга круговой порукой, причём не оправдавших доверия ждало суровое наказание — вплоть до расстрела¹¹.

Какое значение в то время придавалось моральному облику коммуниста, его авторитету среди односельчан, видно и из протоколов собраний деревенских и волостных ячеек, уездных и губернских партийных организаций, различного рода совещаний в губкоме и т.д. Как правило, по данному вопросу принимались резолюции типа: «Личное поведе-

¹ ЦДНИСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 16. Д. 124.

² Звезда. Смоленск, 1918. 30 июля. № 113 (218).

³ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 305. Л. 6 об.; Известия Смоленского Совета. 1919. 11 апр. № 78; РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 453. Л. 180 об.; ЦДНИСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 22. Л. 29.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 412. Л. 70; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19а. Л. 113; Ф. 23. Оп. 1. Д. 297. Л. 16; Знамя Коммунара (Смоленская губерния). 1919. 30 марта. № 23 (64); Борьба (Смоленская губерния). 1920. 22 сент. № 18 (118); и др.

⁶ ЦДНИСО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 203. Л. 64.

⁷ Метц А. Первые партконференции. Создание губернского партцентра // Ленинский путь (Смоленская губерния). 1927. № 9. С. 15.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 38. Л. 63; Ф. 24. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.

⁹ ТЦДНИ. Ф. 5221. Оп. 1. Д. 49. Л. 346.

¹⁰ ЦДНИСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 59. Л. 25; Ф. 154. Оп. 1. Д. 57. Л. 25.

¹¹ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

ние каждого члена ячейки должно быть таковым, чтобы все окружающие товарищи уважали его»¹, «Вести себя так, чтобы слово не расходилось с делом»², «Служить примером добросовестности, честности, самоотверженности, мужества и т.д.»³, «Воздерживаться в присутствии беспартийных от всяких выступлений, критикующих партийные решения и распоряжения Соввласти»⁴, умело отражать «все нападки неблагонамеренных лиц», пытающихся «запятнать честное и доброе имя коммуниста как главного двигателя на всех путях советского строительства»⁵. Помимо этого, во многих подобных решениях отмечалась абсолютная недопустимость для членов РКП(б) пьянства, спекуляций, азартных игр, взяточничества, разврата, воровства и других пороков такого же свойства. Предусматривались и наказания за них: штрафы, «предание суду Ревтрибунала как врага народа», а также осуждение такого лица соратниками по организации — «вплоть до расстрела»⁶. «Этим, — подчёркивалось в одной из инструкций конца 1918 года о партработе, — мы достигнем правильной оценки и уважения нашей партии»⁷.

Вообще вопрос о критериях требовательности в то время к людям, состоящим в компартии, явно заслуживает более пристального изучения. Он привлекает внимание уже потому, что являлся важной частью радикальной перестройки большевистской партии в новых исторических условиях, так как по сути она создавалась заново... Именно в этот период шла кристаллизация представлений о нормах партийной дисциплины, о моральном облике партийцев, о методах их «оздоровления» и о влиянии названных факторов на авторитет большевиков в массах. «Взлелеянные мировой и гражданской войнами всеобщая ожесточённость и тяга к насилию», обострённые до крайности классовые противоречия, «повсеместные страдания и невзгоды», «разгул анархии и преступности» оказывали огромное влияние на все стороны этого процесса. К тому же вышестоящее партийное руководство смотрело на низовые звенья РКП(б) как на передовые отряды в борьбе за утверждение нового строя и относилось к ним с большой требовательностью.

Каким же образом большевистские организации губернии «боролись с расхлябанностью и безответственностью своих членов», «создавая из них товарищеский коллектив, спаянный общей ответственностью за великое дело социализма»?

Прежде всего, подобные шаги регламентировались специальными постановлениями, которые принимались не только губкомом, но и уездными компартами (порой — совместно с президиумом исполнительного комитета)⁸. Некоторые парткомы на местах проявляли в этом деле немалую изобретательность. Так, бюро Поречского укома с целью установления среди коммунистов железной дисциплины разработало в конце декабря 1918 г. «два алфавита». В одном фиксировалось любое выбытие «из пределов города» членов партии и их возвращение. В другом регистрировались факты невыполнения ими распоряжений бюро, а также неявки на собрание, заседание, субботник или занятие по военному обучению⁹. Тем, кто всё это игнорировал, первый раз делалось замечание, второй — объявлялся выговор, третий — учреждался «товарищеский бойкот», а после четвёртого раза следовало немедленное исключение такого лица из парторганизации¹⁰.

¹ ЦДНИСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15. Л. 6, 7.

² ТЦДНИ. Ф. 5221. Оп. 1. Д. 66. Л. 22.

³ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 145. Л. 178.

⁴ Там же.

⁵ ЦДНИСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.

⁶ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 13. Л. 8; Ф. 3. Оп. 1. Д. 40. Л. 20; Бедняк. М., 1918. 9 окт. № 12.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 47. Л. 182; Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 128. Л. 118.

⁹ ЦДНИСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

¹⁰ ЦДНИСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

Кое-где в губернии практиковались и такие «профилактические наказания» большевиков, как лишение их частной собственности или перевод имеющих её «в разряд сочувствующих», а также направление провинившихся на учёт в ячейку, находящуюся в отдалённом населённом пункте волости или уезда¹.

Важное место в борьбе за монолитность «коммунистических рядов» отводилось партийным судам, призванным «искоренять разгильдяйство и нарушение дисциплины, а также генеральничание и диктаторство старых товарищей»². Эти суды обладали большими правами. К примеру, согласно постановлению Губкомитета, по их решению к уклоняющимся от мобилизации членам РКП(б), а также кандидатам могли быть применены «высшие меры наказания»³. Обычно такие члены ячеек мотивировали свой категорический отказ идти на фронт непониманием целей деятельности партии и заявляли о выходе из неё. Однако в ответ на подобные речи звучало разъяснение того, что завоёванную свободу необходимо защищать и «понимать это нужно без книжного знания программы коммунистов, а пролетарским чутьём»⁴. Затем фамилии «дезертирствующих» заносились на «чёрную доску», они лишались гражданских прав и продовольственных карточек и им объявлялся «полный бойкот и презрение, как предателям Рабоче-Крестьянской Революции и изменникам делу социализма»⁵.

Судьбу «партийцев, опозоривших чистое имя социалиста» воровством, подлогом документов, казнокрадством, взяточничеством и другими подобными деяниями, решали революционные суды или трибуналы. Предварительно такие лица исключались из партии⁶. Как выяснилось, названная мера применялась достаточно широко и нередко за ней сразу следовало ещё одно наказание — зачисление исключённого в тыловое ополчение⁷, или в «буржуазный батальон»⁸. В худшем случае за вышеназванные провинности виновные расстреливались, что в то время, как уже отмечалось, отнюдь не являлось большой редкостью⁹.

Важно отметить, что парторганизации не делали секрета из подобных явлений своей жизни и информировали о них население (обычно — через местную газету). На её страницах в специальном разделе регулярно сообщалось об итогах чисток ячеек от чуждых элементов, назывались фамилии таких лиц с указанием мотивировки, печатались решения судов по их делам, а также сообщения о приведении приговоров в исполнение (немедленная отправка на фронт, тюремное заключение или расстрел)¹⁰. Наверняка такие публикации производили сильное впечатление на многих и закрепляли за большевиками репутацию людей хоть и требовательных «до беспощадности», но, прежде всего, — к самим себе. Укреплению этого мнения способствовало и их активное участие в различных кампаниях помощи Красной Армии. «Мы, как коммунисты, — читаем в протоколе одной из первичных организаций Смоленска, — должны обязать себя дать излишки тёплого бе-

¹ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 22.

² ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 43. Л. 10.

³ ЦДНИСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

⁵ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 128. Л. 118; ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 47. Л. 182.

⁶ РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 31. Л. 128; Оп. 13. Д. 445. Л. 265; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 310. Л. 104; Знамя коммунара. 1919. 30 марта. № 23 (64).

⁷ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 72. Л. 59.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

⁹ ГАТО. Ф. 2645. Оп. 2. Д. 111. Л. 432. Красная Армия. М., 1918. 21 авг. № 52; РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 574. Л. 17 об.; и др.

¹⁰ Звезда. Смоленск, 1918. 23 авг. № 237; ЦДНИСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 44. Л. 37; Путь коммуниста. 1919. 8 мая. № 43; 13 мая. № 45; Рабочий путь. Смоленск, 1920. 26 окт. № 248.

ля фронту, дабы показать пример остальным беспартийным товарищам...»¹. Архивные документы свидетельствуют о том, что подобные решения не оставались на бумаге — от многих партячек в качестве подарков красноармейцам поступало немало денег, продуктов, холста, одежды и других предметов². В конечном итоге самым важным следствием подобных инициатив было укрепление доверия к большевикам трудового населения и создание благоприятных условий для успешной пропаганды идей строительства новой России.

Большое значение в этом деле имели непосредственные контакты партийных лидеров разного ранга с народом, закономерно воспринимавшего последних как «главных проповедников социалистических порядков». «От правильного выполнения этой задачи, — подчёркивалось в соответствующей резолюции Пятой конференции большевиков Бельского узда, состоявшейся 27 июня 1919 г., — зависит успех нашей революции»³. Увы, порой такие ораторы, стремясь завоевать расположение аудитории, приукрашивали действительность и рисовали радужные картины ближайшего будущего... Как правило, слушателей это раздражало и порождало у них мнения типа «Нас считают за детей малых или простофиль, не ведающих жизни вокруг». И т.д. Такие «подходы к работе с массой» резко осуждались губкомом и уездными компартами. «Казённый оптимизм, — отмечалось в мае 1919 г. «Известиями Гжатского Совета», — весьма распространённый среди некоторых наших партийных верхов... уже дорого обошелся Советской власти и ещё дороже будет стоить в будущем»⁴.

Широко пропагандируемая точка зрения тогдашнего руководства РКП(б) на этот аспект её деятельности была следующей: не лгать народу; говорить ему только правду, пусть и самую горькую; не тешить его байками о райской жизни, которая вот-вот наступит; всегда советоваться с ним по ключевым вопросам действительности⁵. «По моему мнению, — подчёркивал В. И. Ленин на Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г., — государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы всё знают, обо всём могут судить и идут на всё сознательно»⁶. Есть основания полагать, что большевики Смоленской губернии стремились руководствоваться этими установками в своей деятельности. «Мы переживаем отчаянно-тяжёлое время. Финансовая, промышленная разруха грозит погубить Советскую Россию, — звучало в конце апреля 1918 г. со страниц «Известий Смоленского Совета». — Мы не волшебники. Мы не говорим, что с завтрашнего дня потекут молочные реки с кисельными бережками. Путь наш тернист и тяжёл, но для трудящихся масс это единственный путь... Советская власть, как форма политического государства трудящихся, не может быть плоха. Могут быть плохи те люди, которые сидят в Советах, но не сами Советы»⁷.

¹ ЦДНИСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 59. Л. 75.

² ЦДНИСО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 155. Л. 7.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 306. Л. 5. По инициативе В. И. Ленина с июня 1918 года были введены обязательные регулярные выступления руководящих партийных и советских работников перед широкими массами трудящихся (Ключева З. И. Идеи и организационное укрепление коммунистической партии в условиях борьбы за построение социализма в СССР. М., 1970. С. 21).

⁴ Известия Гжатского Совета. 1919. 6 мая. № 32.

⁵ Ленин В. И. Защита империализма, прикрытая добренькими фразами // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 12; Его же. Печальный документ // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 15; Его же. К лозунгам // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 15, 17; Его же. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 40—41; Его же. Заключительное слово по политическому отчёту ЦК РКП(б) XI съезду РКП(б) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 118; и др.

⁶ Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о мире на Втором Всероссийском съезде Советов (8 ноября) 1917 года // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 21.

⁷ Известия Смоленского Совета. 1918. 21 апр. № 77 (105).

В повестку дня многочисленных собраний, митингов, крестьянских «валовых сходов» стали включаться проблемы, жизненно важные как для Республики, так и для судьбы Советской власти в данной местности. Помимо этого, всё чаще партячейки стали приглашать на свои собрания беспартийных с правом совещательного голоса¹. Это стремление к учёту общественного мнения, желание теснее «сближаться с честными трудовыми элементами деревни и города», отказ от стремления «каждую прореху затыкать только коммунистами» начало всё заметнее проявляться в жизни большевистских организаций губернии примерно с середины 1919 г.²

Активно пропагандировала идею прямой причастности трудящихся к жизни страны партийно-советская пресса губернии. Основным лейтмотивом этой пропаганды прежде всего был призыв «к защите завоеваний Октября». Формы его были разными — от заметки о добровольном уходе на фронт всей ячейки большевиков, до страстных по содержанию стихов. Вот одно из них:

*Спасайте Родину свою,
Спасайте Красную Россию,
Где стены гнёта вековые
Впервые преданы огню!
Не дайте вражьему копыту
Вонзиться в сердце той Отчизны,
Где льётся звон багряной тризны
По недожатому жнивью...»³*

Ясно, что эти призывы имели действенную силу только тогда, когда сами коммунисты первыми шли на фронт, иначе у их врагов появлялся весомый повод «кричать на всех углях» о льготах для членов РКП(б)... Вновь касаясь этого аспекта в жизни губернской парторганизации, хотелось бы отметить, что документов о борьбе с отмеченным явлением обнаружено крайне мало. О недопустимости привилегий для большевиков указывалось в «Памятке», напечатанной на последней странице партбилета⁴. Аналогичные решения принимали собрания «первичек» и уездные партконференции⁵. На одной из них «ввиду поступивших заявлений о том, что местные коммунисты, стоящие близко к власти», присваивают реквизированные у населения вещи, даже было предложено образовать 2—3 комиссии для обследования домов названных лиц. Делегаты поддержали эту инициативу, чтобы раз и навсегда устранить возможность для появления в дальнейшем таких обвинений в адрес коммунистов⁶. Увы, так и не удалось выяснить, чем в конечном итоге завершилась вся эта история.

Кроме упомянутых, на авторитет большевиков существенно влияли и другие факторы. К примеру, борьба ячеек с бюрократизмом, пышно расцветшим в советских учреждениях губернии уже в первые недели после начала их деятельности⁷. Больше всего от произвола чиновников страдали простые граждане, которых горькая необходимость заставляла обращаться в исполкомы, суды, продкомы, совнархозы, лескомы и т.д. Широкое распространение данного явления и его весьма пагубное влияние на престиж новых властей вынуждало многие парторганизации учреждать особые комиссии для жёсткого контроля за работой совслужащих⁸.

¹ Известия Смоленского Совета. 1919. 10 мая. № 99; Известия Бельской Коммуны. 1919. 7 сент. № 97.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 310. Л. 4 об.; ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.

³ РГАСПИ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 53. Л. 4; Путь коммуниста. 1919. 5 июня. № 54.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 249. Л. 26.

⁵ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 145. Л. 176.

⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 313. Л. 95 об.

⁷ Звезда. Смоленск, 1918. 15 авг. № 231; Известия Бельской Коммуны. 1919. 10 мая. № 78; и др.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 155. Л. 2; Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 85; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 313. Л. 89; Д. 305. Л. 3.

Каких-либо сведений об эффективности работы этих комиссий в архивных фондах выявить не удалось. С целью ликвидации «преступно-бездушного отношения совслужащих к просителям» при крестьянских отделах уездных комитетов РКП(б) с октября 1919 г. стали создаваться так называемые «бюро справок», очень быстро завоевавшие широкую популярность среди населения¹. В этих бюро ходяки получали ответы на свои вопросы «без излишней... затраты времени, энергии, без всяких волокит и странствий по отделам». При необходимости просители направлялись в нужную инстанцию, с которой дежуривший в бюро член укома «предварительно сносился по телефону». «В бюро справок, — писала в декабре того же года газета вяземских коммунистов «Товарищ», — начинают приходить с разных концов уезда крестьяне со своими недоразумениями... и каждый в отделе находит для себя конец паломничеству»². Излишне говорить о том, что подобные случаи заметно поднимали престиж большевиков в глазах местного населения, горячо одобрявшего крутые меры против любого «крючкотворства и самоуправства».

Обращает на себя внимание горячее одобрение населением «крутых мер» при наведении порядка в работе госучреждений... Ещё в начале февраля 1918 года один из жителей Гжатского уезда послал в ЦК РКП(б) письмо, в котором настоятельно подчёркивал необходимость проявления новой властью должной твёрдости. «Учтите это, дорогие мои, там, наверху, — отмечалось в письме, — что диктатура пролетариата должна быть сильной властью не только для врагов, но и для широких масс... для спасения революции нужна твёрдая власть. Нужно создать гарантии прав человека и гражданина... Нужен строгий революционный порядок». По мнению автора письма, без него Республику ждала неминуемая гибель³. Как выяснилось, такая точка зрения отнюдь не была редкостью. «На местах не любят упрашиваний, — читаем в документе того времени, освещающем политическую ситуацию в губернии, — там признают решительные действия»⁴. Выявлено немало фактов, подтверждающих справедливость этого суждения. Многие из них говорят, в частности, о том, что после подавления на местах антисоветских волнений там начинался «усиленный рост ячеек коммунистов» и куда активнее шло исполнение всех нарядов⁵.

Закономерен вопрос: каковы же были итоги всей «многогранной деятельности» большевистских организаций губернии по завоеванию доверия её трудового населения?

Прежде всего, начиная с первых месяцев 1919 г., в губернии стало быстро расти число уездных съездов Советов, на которых коммунисты и им сочувствующие составляли большую часть делегатов⁶. Прямым следствием этого стало избрание в уисполкомы только большевиков и лишь изредка — беспартийных⁷. Весомость изложенных аргументов ещё более возрастёт, если учесть, что в это время фактически все уездные организации

¹ ЦДНИСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 133; Ф. 154. Оп. 1. Д. 45. Л. 6, 19; Товарищ. 1920. 30 марта. № 105; и др.

² Известия Бельской Коммуны. 1919. 1 нояб. № 111; Товарищ. 1919. 23 дек. № 31.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 23. Л. 115.

⁴ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59. Л. 22.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 24. Л. 215; Известия Гжатского Совета. 1918. 25 дек. № 82; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 285. Л. 6; Ф. 154. Оп. 1. Д. 45. Л. 19; Известия Смоленского Совета. 1919. 5 янв. № 4; и др.

⁶ ГАСО. Ф. 542. Оп. 1. Д. 27. Л. 77; Ф. 161. Оп. 1. Д. 135. Л. 5; Ф. 13. Оп. 1. Д. 4. Л. 55—60; Рославльский коммунист (Смоленская губерния). 1919. 11 марта. № 28; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 85. Л. 111, 153; Слово коммуниста. 1919. 23 мая. № 47; Известия Смоленского Совета. 1919. 18 июня. № 130; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 145. Л. 214; Известия Смоленского Совета. 1919. 28 нояб. № 263; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58. Л. 12; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 85. Л. 87; Известия Смоленского Совета. 1919. 29 нояб. № 264; Рабочий путь. Смоленск, 1920. 8 июня. № 126; и др.

⁷ ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 83. Л. 55; Д. 46. Л. 75; Ф. 161. Оп. 4. Д. 14. Л. 451; Известия Смоленского Совета. 1919. 6 июля. № 146; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 14а; Рабочий путь. 1920. 23 июня. № 170; и др.

РКП(б) далеко не отличались избытком «коммунистических сил»... Их престиж укрепился и в волостях, где влияние левых эсеров к этому времени почти сошло на нет и на выборах в местные Советы главным образом проходили члены большевистской партии¹. Ещё одним примером «того сдвига, который произошёл в широких массах трудящихся», может служить состоявшийся в середине декабря 1920 г. Одиннадцатый губернский съезд Советов. Из его 159 участников 121 являлись коммунистами, 1 — меньшевиком и 34 не принадлежали ни к одной из политических группировок того времени. «Знаменательно, — прозвучало в те дни со страниц издававшейся в Смоленске газеты «Рабочий путь», — что все делегаты — крестьяне» и далее в статье подчёркивалось, что, несмотря на наличие среди них беспартийных, съезд представлял «собой один ярко красный фон... Сквозь все речи ораторов красной нитью проходила железная воля — победить хозяйственную разруху, создать новую жизнь для трудящихся»².

О явном укреплении авторитета РКП(б) среди трудового населения губернии свидетельствовали и результаты проведённой на её территории в октябре 1919 г. «партийной недели». В дни её проведения ряды большевиков пополнили: в Смоленске и уезде — свыше 4 тыс. человек; Белом — 278; Вязьме — 380; Гжатске — 478; Демидове (бывшем Поречье) — 134; Дорогобуже — 355; Духовщине — 130; Ельне — 275; Красном — 50; Рославле — 573; Сычёвке — 203; Юхнове — 183; Ярцеве — 208; Мстиславле — 102. Общий итог — 7284 (из них 7/8 — красноармейцы)³. В губернском центре численность организации РКП(б) возросла в 4 раза и достигла 2350 человек⁴. Оценивая этот показатель, «Известия ВЦИК» отметили 31 октября того же года: «...результаты партийной недели превзошли все ожидания. В коммунистическую партию записалось более 1500 человек»⁵. Проходившее 1 ноября общее собрание большевиков Вязьмы указало в своей резолюции, что «неделя всколыхнула массы и укрепила доверие и симпатии рабочих к нашей партии»⁶. Дорогобужский партком, проанализировав итоги данной кампании, пришёл к убеждению, что «почва благодатная как в деревне, так и в гарнизоне»⁷. Демидовский уком, оценивая успех «недели», констатировал, что численность уездной организации выросла в 4 раза, а среди её новых членов «есть женщины и седые старики». «Всё это, — следовал вывод, — служит лучшим показателем того, что РКП есть партия трудящихся крестьян»⁸. Подобных примеров в архивных документах выявлено немало⁹. Основным итогом всей кампании подвела Пятая губконференция большевиков, состоявшаяся в конце ноября 1919 года. «Для нас ценно главным образом то, — прозвучало на ней, — что эти новые члены партии вступили в её ряды в наиболее тяжёлый для Советской России момент»¹⁰.

¹ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 85. Л. 191; Известия Смоленского Совета. 1919. 14 янв. № 7; 5 июля. № 145; Путь бедняка. Смоленск, 1920. 17 дек. № 67 (142); и др.

² Рабочий путь. Смоленск, 1920. 17 дек. № 293.

³ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

⁴ ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 85. Л. 182.

⁵ Известия ВЦИК. 1919. 31 окт. № 244 (796).

⁶ ЦДНИСО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 79.

⁸ Рабочий путь. Смоленск, 1920. 4 янв. № 3.

⁹ ЦДНИСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 60; Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 42; и др.

¹⁰ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Л. 3. Подводя итоги массового вступления в ряды РКП(б), Центральный Комитет большевиков отметил, что оно совпало «с наиболее острым военным кризисом. Членский билет нашей партии при таких условиях означал до известной степени кандидатуру на денкинскую виселицу. Вопреки всем предсказаниям наших противников, — подчёркивалось далее, — партийная неделя кончилась повсюду совершенно неожиданным, исключительно блестящим успехом» (Партийное строительство. 1941. № 9. С. 55).

О явном росте влияния коммунистов свидетельствовал и успех организуемых ими «недель» и «дней» помощи Красной Армии¹. В ходе этих довольно частых кампаний население охотно жертвовало немало денег, тысячи пудов продовольствия, десятки тысяч аршин холста, значительное количество верхней одежды, белья, обуви и т.д.² В подготовке этих мероприятий самостоятельное участие принимал и губернский комитет РСДРП(м), автономия которого в этом деле объяснялась принципиальным нежеланием губкома РКП(б) в чём-либо сотрудничать с меньшевиками³.

Сочувственное отношение крестьян к новому строю выражалось также и в аккуратной сдаче ими разных налогов. Так, начиная с осени 1919 года с мест всё чаще стали поступать донесения типа: «Многие сёла и деревни уже полностью выполнили наряды по развёрстке на картофель, скот, хлеб, сено и (льняное. — Е. С.) семя. Крестьянство... быстро шло навстречу в этом деле Уездпродкому»⁴. Ещё пример: «Духовщинский уезд в две недели выполнил 100% хлебного наряда без применения продотрядов, что очень показательно, ибо... уезд далёк от железной дороги и политического центра и плохо информируется»⁵.

Свидетельством укрепления авторитета коммунистов был и несомненный успех многочисленных «беспартийных конференций», которые стали широко проводиться в губернии с конца 1919 г. по решению Пятого губернского съезда РКП(б)⁶. Их целью было «втянуть массу в творческую работу, сбросить с неё личину обывательщины» и в конечном итоге укрепить связь большевистской партии с широкими слоями населения⁷. Многие документы говорят о том, что нередко на этих «форумах» насущные проблемы жизни страны делегаты обсуждали так же горячо, как и свои собственные... Иными словами, проявляли живой интерес «не только к вопросам, касающимся обывательской стороны», но и «общественным». Как правило, эти «всеобщие сходы только беспартийных трудящихся» проходили «очень удачно». «Такой успех мы не ожидали, — читаем в одном из отчётов. — С Интернационалом конференция открылась, с Интернационалом и закрылась»⁸.

Признаком явно укрепившегося престижа правящей партии коммунистов-большевиков являлось и уважительное отношение граждан к Чрезвычайным Комиссиям. «Если раньше, — сообщала 7 ноября 1920 г. губернская газета «Рабочий путь», — в Чека посылались анонимки, то теперь городская и деревенская беднота в буквальном смысле сотрудничает с Чека... около 40% преступлений, раскрытых Губчека, является результатом сотрудничества городских и деревенских масс». Причём, указывалось в статье, — сотрудничества бескорыстного. «Этот факт, — отмечалось далее, — свидетельствует о том, что авторитет Чека чрезвычайно велик среди населения, которое питает к Чека доверие...»⁹. И т.д.

¹ Красный архив. 1937. № 4 (83). С. 17; ЦДНИСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 6; Д. 52. Л. 1; Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 8; Ф. 25. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.; Ф. 17. Оп. 1. Д. 175. Л. 14; и др.

² ЦДНИСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 132; Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 59; Рабочий путь. Смоленск, 1920. 24 марта. № 64; 9 нояб. № 260; 9 марта. № 54; Степанов П. С. Борьба за укрепление советской власти в Смоленской губернии в 1917—1920 гг. Смоленск, 1957. С. 133.

³ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

⁴ Товарищ. 1919. 25 дек. № 33; ЦДНИСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 45. Л. 19; и др.

⁵ Знамя коммунара. 1920. 1 сент. № 145; Рабочий путь. Смоленск, 1920. 3 сент. № 208; ЦДНИСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 132; и др.

⁶ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 66.

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 306. Л. 105; ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 37.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 40; Д. 13. Л. 6, 14; Д. 43. Л. 205; Ф. 24. Оп. 1. Д. 57. Л. 14; Ф. 23. Оп. 1. Д. 119. Л. 2; Ф. 12. Оп. 1. Д. 163. Л. 28; Ф. 27. Оп. 1. Д. 293. Л. 9; Рабочий путь. Смоленск, 1920. 14 янв. № 9; 10 февр. № 31; 8 марта. № 53; и др.

⁹ Рабочий путь. 1920. 7 нояб. № 259.

Здесь иной читатель, сопоставив все подобные сведения, решит, что к осени 1920 г. труженики Смоленщины прямо-таки «стеной стояли за новую жизнь», целиком и полностью доверяя большевикам. Так ли это было на самом деле? «Да, — скажет этот читатель. — Об этом убедительно свидетельствует изложенная в статье информация». И в подтверждение справедливости своего вывода процитирует такую мысль В. И. Ленина: «Факты, если взять их *в целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь»¹. Всё это верно, но нельзя не отметить и того момента, что аргументы «в пользу явного перехода трудящихся губернии на сторону коммунистов-большевиков» извлечены из официальных документов (отчётов, сводок, циркуляров, донесений, протоколов, газет того времени и т.д.). Однако объективная оценка ситуации потребовала анализа и личного мнения «простых граждан» о причинах возросшего в регионе влияния РКП(б) к концу Гражданской войны. Как известно, ранее доступ к таким материалам в архивах и библиотеках был закрыт. В наши дни круг источников о революционных буднях молодой Страны Советов заметно расширился, что в немалой степени изменило суть конечных выводов многих современных историков о специфике периода становления нового строя в России после победы Октября.

Введение в научный оборот ранее недоступной информации позволило иначе, чем прежде, оценить и весь спектр методов, использованных большевиками для упрочения их положения в самые первые послеоктябрьские годы. К слову, вот что можно прочесть об этом в письме неизвестного крестьянина в Совет Народных Комиссаров (письмо зарегистрировано канцелярией Совнаркома 29 декабря 1919 г.). Читаем:

«В газетах пишут, что крестьянская масса всё более начинает познавать большевиков, молчит и подчиняется всем распоряжениям большевистской власти, — значит, она сочувствует этой власти, как власти, именующей себя народной.

Как крестьянин, не могу умолчать и надеюсь, что мысли мои сходны с мыслями всего русского крестьянства. Да, крестьяне понимают большевиков и, судя по их действиям и составу работников (бывшие уголовники, лентяи и все отбросы общества), считают их наглыми насильниками своими и врагами русского народа, взявшими Россию в свои кровавые руки и укравшими у народа его действительную свободу.

Крестьянство пока молчит, потому что большевики как разбойники при помощи бомб и револьверов зажали ему рот и не позволяют кричать «Караул!».

Они исполняют требования большевиков подобно тому, как исполняются требования всех разбойников, забравшихся в дом и держащих револьвер над виском хозяина этого дома. Потому что большевики всех и каждого расстреливают без разбора.

Они не протестуют против того, что большевики называют себя «властью народной» (в то время, когда народ не уполномочивал их на это), потому что признают протесты эти напрасными, ибо видят, что большевики, как и всякие разбойники, не считаются ни с какими протестами.

Они идут даже на созданную большевиками бойню, потому что боятся расстрелов.

Одним словом, крестьянство знает большевиков как насильников и самых худших людей, недостойных называться свободными гражданами России, и подчиняются им покуда не сумеют уничтожить их.

Хвастовство большевиков о том, что они, отобрав землю от помещиков, передали её крестьянам, весьма возмущает честных крестьян-земледельцев, так как на самом деле, хотя революция и справилась с одним паразитом — помещиками, но отобранная у них земля оказалась в руках ещё худших туеядцев, выделившихся из среды самых худших и ленивых слоёв крестьянства и засевших в бывших имениях, а ныне — советских имениях.

Эти новые помещики будут сидеть в имениях, пока не разграбят их окончательно, что, впрочем, получится довольно быстро, так как дело это движется вперёд хорошо. «Помещики» эти грабят помещичьи — ныне «народные» — имения, а крестьяне задыхаются от безземелья и в это же время кормят своими последними крохами голодных братьев — городских рабочих.

Крестьянство видит, как большевики, вырвав волю у русского народа, предают и грабят Россию, разрывают её на части и уничтожают её лучших и честнейших сыновей.

Не могут крестьяне не видеть и созданного большевиками голода в русских городах и грядущего голода в деревнях, так как последние теперь свои скудные достатки делят с голодными жителями городов,

¹ Ленин В. И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.

которых накормить они в конце концов не в состоянии, и получится, что и города и деревни должны будут вымереть с голода.

Крестьянство видит теперь, что большевики, уничтожив прежнюю русскую армию в самом конце прошлой международной бойни, таким образом ввергли Россию в переживаемые ныне ужасные бедствия. В-первых, уходом с позиций Россия отказалась от доведения до конца удачной войны. Затем таким путём она порвала связь с бывшими союзниками, из-за чего и приходится теперь переживать все бедствия, тогда как если бы не было этого, то давно Россия вместе с другими великими державами залечивала бы свои раны.

Кроме того, не было бы и того ужасного бедствия, которое переживает Россия из-за братоубийственной гражданской войны, в которой, опять-таки, более всех достаётся крестьянам. Все остальные, а особенно евреи, совершенно в стороне, ибо они, хотя и призываются на военную службу, но благодаря пронырливости и бесчестности своей ухитряются устраиваться в тылу, в тёплых местечках, получая за своё безделье и жалованье, и хороший продовольственный паёк. И, таким образом, создалось положение, что до революции евреи держали в своих руках все русские богатства, а теперь они взяли в свои руки весь русский народ.

До сих пор русское крестьянство надеялось, что руководители политики на верхах не знают, что творят их агенты на низах, что всё это они увидят и исправят и не будут более издеваться над русским народом, но ещё ухудшающееся положение всё более убеждает крестьянство в том, что большевики есть насильники, ограбившие у многострадального русского народа его свободу и ведущие дела к окончательному закреплению и уничтожению крестьянства.

Казалось, что бывший царский трон подпёрт был штыками очень прочно, но пришло время и он упал. Так и власть насильников-большевиков, держащаяся только на штыках и револьверах, скоро упадёт.

Если среди большевиков есть хоть немного честных русских людей, которые до сих пор мучили народ потому, что заблуждались, то выход есть для них один: поскорее уйти, дабы не дожидаться жестокой русской расправы. Пока ещё Россия не перемерла от голода, кажется есть возможность помочь делу — соберётся весь русский народ и установит у себя на Родине такой порядок, какой ему считается лучшим. А что касается большевиков, то пограбили и пора честь знать.

Если вы не согласны с моим мнением, отвечающим мнению всего российского крестьянства, то попробуйте опубликовать это письмо в газетах и убедитесь в его справедливости. Если же это письмо не будет опубликовано, то крестьяне в большевиках будут такого мнения, какое указано выше.

Письмо не подписываю, потому что вижу, что со всеми, не разделяющими ваших взглядов, вы управляетесь по-зверски.

Декабрь 1919 года»¹.

Легко заметить, что в изложенном документе ни единым словом не упомянуты ни пожертвования крестьян на нужды Красной Армии, ни добровольные явки с повинной дезертиров из её рядов, ни субботники, ни чистки партячек, ни многое другое, что выносилось на первые полосы газет и сообщалось населению агитаторами, лекторами, пропагандистами, докладчиками и т.д. В то же время именно информация автора письма позволяет существенно дополнить общее представление о разносторонней деятельности коммунистов по укреплению их положения в период Гражданской войны. Как теперь хорошо известно, для достижения этой цели они использовали все средства — от агитации до штыка и пули, от концлагерей и тюрем до заложников (в зависимости от «степени усвоения гражданами идей строительства новой России»). Итог известен...

Что же можно сказать в заключение? До Октябрьского переворота вожди РСДРП(б) и не предполагали, насколько сложно будет завоёвывать признание трудовой России после ареста Временного правительства, хотя первую заявку на всенародное уважение они сделали ещё до Октября, широко распропагандировав насущные требования масс. Вспоминная об этом через много лет, Л. М. Каганович (один из ближайших соратников Сталина после утверждения последнего во власти) отметил: «Мы нашли путь к душе и желаниям народа. Мира! Хлеба! Земли! Свободы! Вот четыре лозунга...»².

Когда дворянско-буржуазный строй с присущими ему пороками был низвергнут, а начертанные на транспарантах и флагах требования большевики воплотили в строчки

¹ РГАСПИ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 149. Л. 125, 126 об.

² Кива А. Октябрь в зеркале утопий и антиутопий // Известия. 1990. 6 нояб. № 308.

законов, их авторитет в широких массах стал крепнуть. Причина тому была простой: они решили те наболевшие проблемы, которые до созыва Всероссийского Учредительного собрания не желала решать ни одна партия России. А народ устал ждать... Стрелка барометра общественного мнения стремительно качнулась влево... Но очень скоро её движение замедлилось, а затем она всё заметнее стала клониться в противоположную сторону. Во многих губерниях дело дошло до антисоветских мятежей...

В чём же была причина данного явления? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Прежде всего, крестьяне не могли не заметить, что лучшие земли из бывших помещичьих и прочих подобных новая власть передаёт коммунам, совхозам и так называемым «культурным имениям». Не являлись редкостью и случаи, когда после распределения дополнительных наделов по закону о социализации земли число малоземельных хозяйств практически не уменьшилось. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что подавляющая часть сельских тружеников под влиянием большевистской пропаганды слово «социализм» воспринимало как синоним библейского рая, который вот-вот наступит. Однако жизнь, увы, становилась всё хуже и хуже...

Голод... Продразвёрстка... Конtribusiции... Гужевые повинности... Реквизиции... Чудовищная инфляция... Дикий разгул преступности... Катастрофическая нехватка самых необходимых в быту и хозяйстве промышленных товаров... Нет, на рай всё это походило меньше всего. Чуда не состоялось. Популярность большевиков стремительно падала. Крестьяне, ещё недавно видевшие в них своих спасителей и благодетелей, начали откровенно выражать своё разочарование и протест. Положение ленинской партии становилось всё более и более критическим. Однако самым тревожным было то, что местные парторганизации стремительно пополнялись людьми, в лучшем случае равнодушными к идеалам социализма, а зачастую — откровенными карьеристами и мошенниками. Объяснялось данное явление просто: очень заманчиво было стать членом правящей партии, и прежде всего с точки зрения меркантильной, «шкурнической». Нередко поступки таких проходимцев резко контрастировали с заявлениями официальной пропаганды о моральных и нравственных качествах большевиков и целях их деятельности, что крайне пагубно влияло на престиж всей большевистской партии. С каждым днём он опускался всё ниже и ниже, угрожая дойти до критической отметки...

Проблема стояла очень остро, ввиду чего решалась она радикально — «партийные ряды беспощадно очищались от скверны». Весьма жёсткие меры применялись в первичных организациях и для укрепления партийной дисциплины. К слову, их анализ приводит к выводу, что превращение российской компартии в «орден меченосцев» началось отнюдь не в тридцатых годах — во время утверждения диктатуры Сталина, а гораздо раньше — ещё в период Гражданской войны. Уже тогда член РКП(б) был обязан строго выполнять все приказы и распоряжения свыше. Провинившихся ждало неминуемое наказание. Вплоть до расстрела. Эти меры заметно «оздоровляли партийный организм» и в конечном итоге способствовали утверждению в широких массах идей созидания нового строя. Однако «хирургические методы полностью болезнь не излечивали». Увы, слишком многие коммунисты (руководящее звено — прежде всего) были искренно убеждены в своих особых правах по сравнению с беспартийными и открыто ставили себя в привилегированное положение. Особенно при распределении жизненных благ. Показательно то, что если в начальный период Гражданской войны делались хотя бы попытки борьбы с подобными (весьма распространёнными) рецидивами, то к её окончанию они уже официально были зачислены в категорию вполне нормальных и даже закономерных.

Из какого же источника проистекала эта уверенность членов РКП(б) в своей элитарности? Скорее всего — из их убеждённости в справедливости только марксовской теории,

из возведения её в абсолют. А от такого взгляда был только один шаг до твёрдого мнения о первоочередном праве коммунистов на лучший кусок общественного пирога... Иными словами, моноидеология породила монополию на все жизненные льготы для приверженцев марксистского учения. Прежде всего — из числа «партначальников» всех уровней. Фактически она же явилась изначальной причиной и той катастрофы, которую КПСС потерпела в конце XX в. Гласность, открытость и допущение несогласного не стало естественным атрибутом жизни нового общества. Фундаментальный смысл Октябрьской революции был заслонён фразой, небрежно брошенной матросом Железняком депутатам Учредительного собрания при его разгоне — «Караул устал...». Это и было трагическим просчётом большевиков. В январе 1921 г. В. И. Ленин с горечью отметил: «Никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок»¹. Слова оказались пророческими...

И последнее. Сегодня уже привычными стали утверждения типа «смерть марксизма», «конец ленинизма», «провал коммунизма» и прочие подобные. Авторам этих выводов хотелось бы сказать следующее. Поражение потерпело не социалистическое движение вообще, а лишь одно из его ответвлений, лидеры которого узурпировали власть, а затем право на идейную основу и практику нового строя. В тупике оказалось не стремление человечества к подлинно гуманному обществу, построенному на справедливых началах, а утопический, леворадикальный военный коммунизм, отвергнутый Лениным в конце жизни. Подлинный же социализм, как итог и продолжение достоинств цивилизации в нашей стране, ещё и не начинался. Станет ли он реальностью — зависит только от нас, от осознания нами ответственности за судьбу России.

Список использованной литературы

- Беднота (Смоленская губерния). 1918.
 Борьба (Смоленская губерния). 1920.
 Будаев Д. И. Рождённый в борьбе союз. Очерки истории рабочего и крестьянского движения в Смоленской губернии в 1861—1917 годах. М., 1984.
 Власть Советов. М., 1918, 1919.
 Звезда. Смоленск, 1918.
 Знамя Коммунара (Смоленская губерния). 1919, 1920.
 Известия Бельского Совета (Смоленская губерния). 1918, 1920.
 Известия ВЦИК. 1919. 31 окт. № 244 (796).
 Известия Гжатского Совета (Смоленская губерния). 1919.
 Известия Смолгубкома РКП(б). 1921. 1—15 мая. № 3.
 Известия Смоленского совета. 1918, 1919.
 Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 152—153.
 История Отечества. Люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.
 Кива А. Октябрь в зеркале утопий и антиутопий // Известия. 1990. 6 нояб. № 308.
 Ключева З. И. Идейное и организационное укрепление коммунистической партии в условиях борьбы за построение социализма в СССР. М., 1970.
 Красная Армия. М., 1918.
 Красный архив. 1937. № 4 (83).
 Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 40—41.
 Ленин В. И. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской Республики на Чрезвычайном заседании пленума Московского Совета 3 апреля 1919 года // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 256.
 Ленин В. И. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции Второго Всероссийского съезда горнорабочих 23 января 1921 года // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 249.
 Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о мире на Втором Всероссийском съезде Советов (8 ноября) 1917 года // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 21.
 Ленин В. И. Заключительное слово по политическому отчёту ЦК РКП(б) XI съезду РКП(б) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 118.

¹ Ленин В. И. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции Второго Всероссийского съезда горнорабочих 23 января 1921 года // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 249.

- Ленин В. И. Защита империализма, прикрытая добренькими фразами // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 12.
 Ленин В. И. К лозунгам // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 15, 17.
 Ленин В. И. Печальный документ // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 15.
 Ленин В. И. Речи и выступления при обсуждении устава партии 2 (15) августа 1903 года на II съезде РСДРП // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 290—291.
 Ленин В. И. Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля на Третьем конгрессе Коминтерна // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 30.
 Ленин В. И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.
 Метц А. Первые партконференции. Создание губернского партцентра // Ленинский путь (Смоленская губерния). 1927. № 9. С. 15.
 Осипова Т. Обманутый класс // Родина. 1990. № 10. С. 25; Блудов В. Последняя кампания «красного Наполеона» // Русский вестник. 1992. 8—15 июля. № 26. С. 11.
 Партийное строительство. 1941. № 9.
 Путь бедняка (Смоленск). 1920. 17 дек. № 67 (142).
 Путь коммуниста (Смоленская губерния). 1919.
 Рабочий путь (Смоленск). 1920, 1927.
 Рославльский коммунист (Смоленская губерния). 1919. 11 марта. № 28.
 Слово коммуниста (Смоленская губерния). 1919.
 Смоленский вестник. 1917. 16 нояб. № 260.
 Стародворцева Н. У истоков Советской власти. Участие большевиков Смоленщины в строительстве пролетарского государства // Политическая информация. Смоленск, 1982. № 20. С. 15, 16.
 Степанов П. С. Борьба за укрепление советской власти в Смоленской губернии в 1917—1920 гг. Смоленск, 1957.
 Товарищ (Смоленская губерния). 1919, 1920.

Поступила в редакцию 10.05.2012 г.

Евгений Александрович Сикорский, доктор исторических наук, профессор
 Смоленский государственный институт искусств
 214020, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Румянцева, д. 8.

E. A. Sikorskii

On the issue of wining public trust by the Bolsheviks after the October victory. November 1917 — 1920 (based on the Smolensk region)

On the bases of stock and other materials within the administrative-territorial borders of the named region of Russia, introduced into scientific use, the author reveals the dynamics, the specifics and the outcome of the evolution of people's relations to Bolsheviks during Civil War. The article shows the factors that influenced this process, analyzes the measures taken by local party organizations to clear them of alien elements, shows the response of people on the formation of the privileged position of Communists, gives a reasoned opinion on the causes of this phenomenon, reveals the reaction of the representatives of peasantry to the efforts of the new government to restore and maintain order in the controlled territory, states an opinion on the prospects and conditions of approving socialism in our country.

Key words: The Constituent Assembly, Civil War, the arbitrariness of the new government, workers' attitude to the new regime, clearing in Party organizations, privileges, strengthening the position of the RSDLP(b), socialism.

Eugene Aleksandrovich Sikorskii, doctor of historical sciences, professor
 Smolensk State Institute of Arts
 214020, Russian Federation, Smolensk, ul. Rumyantseva, 8.